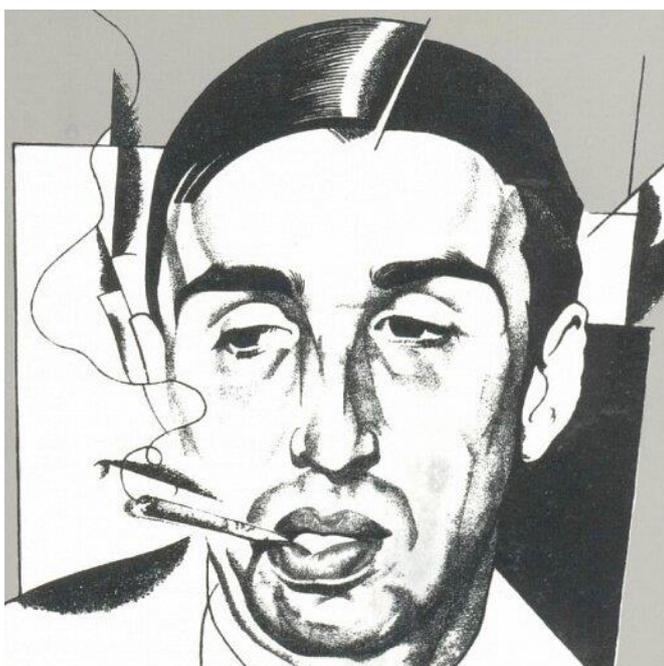

ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ СТИХАМИ.

Открываем забытые имена. Поэт русской эмиграции Георгий Владимирович Иванов. (родился 29 октября 1894 года в имении Пуке-Барще, Литва, умер 26 августа 1958 во Франции).

Автор: член союза журналистов России Наталья Морсова

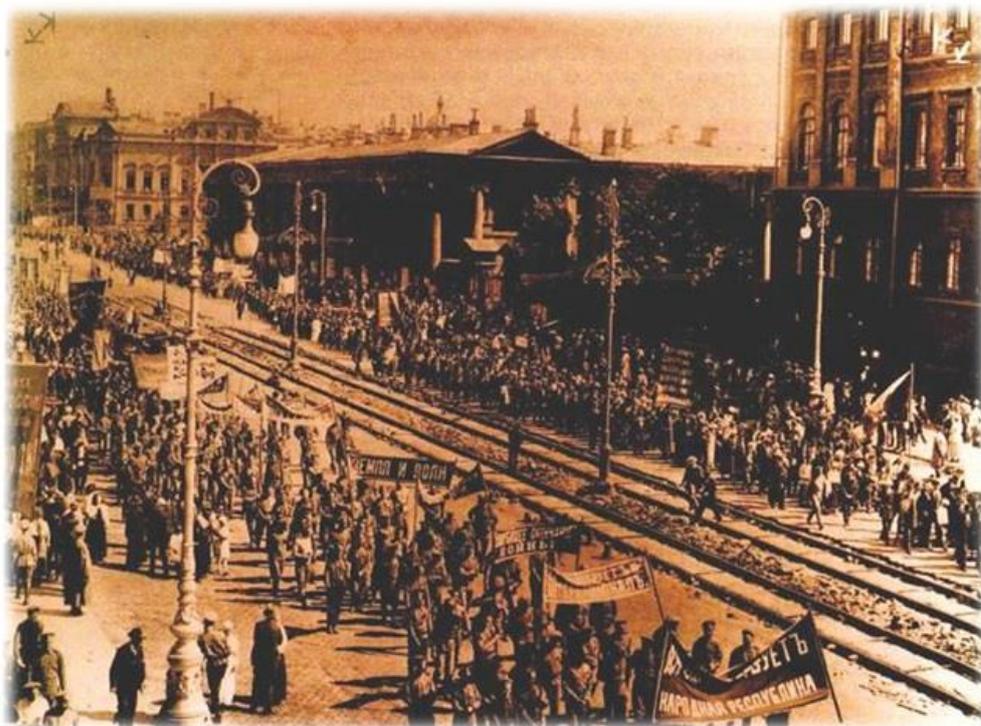
*Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.
Хорошо - что никого,
Хорошо - что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.*

Это жуткое стихотворение, пропитанное тоской и разочарованием, предчувствием конечности бытия, звучат, как музыка отчаяния, как - будто похоронный марш. Вместо клича «За Бога, Царя и Отечество!» русский поэт Георгий Владимирович Иванов, на глазах которого в одночасье разрушилось

прошлое и настоящее, восклицает: хорошо, что нет ни Бога, ни Царя, ни родного Отечества.

Поэт, которого причисляли к последователям А.Блока и Н.Гумилева, вынужден был оставить Россию и умереть в эмиграции. Он всегда мечтал вернуться в Россию, хотя бы отражением, хотя бы стихами. На рубеже XIX – XX веков его мечта сбылась.

*Россия счастье. Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.
И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,
И нет ни Петербурга, ни Кремля -
Одни снега, снега, поля, поля...
Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.
Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.
Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия — только страх.
Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.
Веревка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.*

Георгий Владимирович Иванов – один из лучших поэтов русской эмиграции, прозаик, публицист, переводчик, критик. Родился в семье потомственного

военного, ветерана Русско-турецкой войны. Мать - Вера Михайловна Бренштейн из дворянской семьи потомственных военных - баронесса Бир-Брау-Браурер фон Бренштейн из голландской родословной семьи. Георгий пошёл по стопам отца и в 1905 году был зачислен в Ярославский кадетский корпус, затем переведён в Петербург, уволился, посещал курс Петербургского университета. Стихи начал писать в юности, рано познакомился с А. Блоком, Н. Гумилёвым, К. Д. Бальмонтом, Вас. и З. Гиппиус, О. Мандельштамом, Н. А. Клюевым, Г. Адамовичем, И. Буниным, А. Ахматовой, К. Чуковским - поэтами Серебряного века, много печатался в литературных журналах и газетах. Здесь он познакомился с будущей женой, «маленькой поэтессой с огромным бантом», Ириной Владимировной Одоевцевой (Ираида Густавовна Гейнике, латыш, поэт, прозаик), которая была любимой ученицей Николая Гумилева, озорная, жизнелюбивая, «сумасшедшая чайка».

И.В.Одоевцева

Молодые люди настолько понравились друг другу, что оба оставили своих супругов и поженились в сентябре 1921 года. А через год на пароходе «Карбо» Иванов выехал в Германию, проживал в Берлине, затем перебрался в Париж; думал - ненадолго, оказалось – навсегда. Вскоре туда перебралась и супруга.

Революцию Георгий Иванов не принял никакой: ни Февральскую демократическую, радостно встреченную русской интеллигенцией и нарождающейся буржуазией, ни, тем более, Октябрьскую, а понимал её, как разгул стихии: «— *Догорай, пожар огромный! / И не дрогнет факел темный, / Освещаая ад*».

Георгий Иванов быстро понял, чем для него обернётся трагедия русского дома:

*...Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность поражения.
Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья.*

А мечтал поэт о самом обыденном и простом: «Я хочу душевного покоя. Но душа, как взбаламученное помойное ведро... Я хочу чистого воздуха. Сладковатый тлен – дыхание мирового уродства – преследует меня, как страх».

Александр Блок творчество Георгия Иванова называл памятником эпохи, он не осуждал злобный пессимизм молодого поэта - человека, «зарезанного

цивилизацией, зарезанного без крови, - проявление злобы, нечеловеческой, с которой никто ничего не поделает, которая нам - возмездие».

Доказательством тому образ потускневшей царской России:

*Овеянный тускнеющей славой,
В кольце святош, кретинов и пройдох,
Не изнемог в бою Орел Двуглавый,
А жутко, унизительно издох.
Один сказал с усмешкою: «Дождался!»
Другой заплакал: «Господи, прости...»
А чучела никто не догадался
В изгнание, как в могилу, унести.*

Образ советской России не менее ужасен:

*Холодно... В сумерках этой страны
Гибнут друзья, торжествуют враги.
Снятся мне в небе пустом
Белые звезды над черным крестом.
И не слышны голоса и шаги,
Или почти не слышны.
Синие сумерки этой страны...
Всюду, куда ни помотришь,— снега.
Жизнь положив на весы,
Вижу, что жизнь мне не так дорога.
И не страшны мне ночные часы,
Или почти не страшны...*

Образ русского зарубежья, в изгнании, как в могиле, не менее трагичен: «Ласково кружимся в вальсе загробном / На эмигрантском балу». Георгий Иванов никогда не возвращался в Россию. Старая Россия его забыла, а новая не знала вовсе. Символом утраченной Отчизны для Георгия Владимировича стал ни русский многострадальный народ, ни его герои, а судьба Пушкина, чья преждевременная смерть на снегу, по мнению поэта, определила будущее России и судьбу самого Г. В. Иванова.

В поэме - прозе «Распад атома» (1938 г.) бессилие поэта выливается в жгучую обиду на Родину: «Пушкинская Россия, зачем ты нас обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала? Ох, эта пропасть ностальгии, по которой гуляет только ветер, донося оттуда страшный интернационал и отсюда туда – жалобное, астральное, точно отпевающее Россию, «Боже, Царя верни»...». На этой грешной земле поэта держала ненависть к адской России и любовь к пушкинскому потерянному раю: - «кровь Пушкина вопиет к миру, что она не отомщена, что за нее надо мстить, мстить». Месть и отчаяние сопровождали творчество поэта. В сборнике

стихов «Посмертный дневник» он в последний раз мысленно возвращается в туманный город на Неве, в эпоху утраченных иллюзий, оставшуюся по ту сторону семнадцатого года:

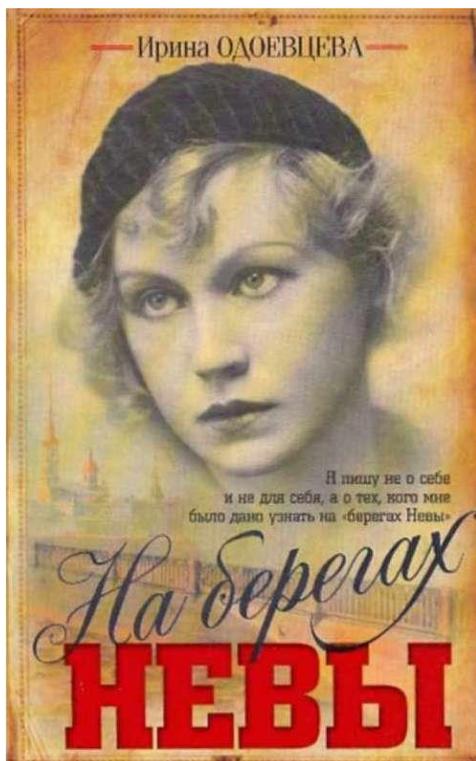
*... Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится –
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.
... Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты.*

Приснившийся в ранней юности сон, где божественный голос читал лермонтовское «Выхожу один я на дорогу», всю жизнь довлел над Георгием Владимировичем, как будто насильно загонял его в дальний путь, в одиночество - не дал доучиться в кадетском корпусе, помешал заняться практическим делом. Ещё юнцом, с подачи Александра Блока и Николая Гумилева, он бросился с головой в омут поэзии и до конца своих дней так из него и не выплыл; он ничего не умел делать, кроме, как писать стихи, которые приносили хорошие деньги. Когда-то завсегдатай заведений, типа «Бродячая собака» или «Привал комедиантов», избалованный славой богемный поэт дореволюционной России, вполне себе сытый и довольный, к концу жизни - опустившийся, потерявший опору в жизни, - жилец французских старческих домов.

Георгий Владимирович часто был зол, раздражён, скептичен, мстителен, неврастеничен, видимо, потому, что испытывал потерю идеалов и жизненных ориентиров, осознавал свою беспомощность и никчемность на чужбине. Его разрушительный пыл сдерживала неунывающая жена и верный помощник Ирина Владимировна Одоевцева, с которой они прожили 37 лет и которой посвящено много лирических, трогательных и нежных стихов. До войны Ивановы полны творческих планов: они пишут сценарии, пьесы, романы, мемуары, вышли две книги Одоевцевой «На берегах Невы», «На берегах

Сены», имевшие большую популярность везде, кроме России. Гонорары текли рекой. Казалось - так будет всегда.

И.В.Одоевцева

Началась война. Стали поговаривать об антисемитизме и «коллаборантстве» (*сотрудничестве с оккупантами*) семьи Ивановых во время войны, - тогда супруги жили на роскошной вилле под Парижем, полученной Ириной Владимировной в наследство от отца, где, якобы, принимали дорогих гостей из высшего немецкого командования. Доподлинно это неизвестно, но слухи о сотрудничестве с фашистами шлейфом вились в послевоенные годы, хотя многие русские эмигранты, среди них писатели Мережковский и Шмелев, тоже не были патриотами Родины и не скрывали надежд на Гитлера, который приведёт к развалу «империю Сталина». Вероятно, они плохо понимали, или не хотели понимать, что конец большевизма в России мог бы привести к исчезновению самой России.

Но в русском зарубежье были и другие: генерал А.И. Денинкин, организовавший в эмиграции сбор средств для изгнавшей его России, был готов вернуться и стать символом антифашистского движения, и Сталин был готов его принять. Известный писатель, лауреат Нобелевской премии И.А.Бунин помогал пленным, бежавшим из нацистских концлагерей, рискуя собственной жизнью, - он оставался сыном своего Отечества. Знаменитый аристократ князь Ф.Ф.Юсупов, организатор убийства Распутина, отказался стать «наместником» в оккупированной России и открыто приветствовал победы русских над фашистами. Некоторые эмигранты, участвующие в движении сопротивления, были награждены советским орденом

Отечественной войны I степени. Для них, воспитанных на старых русских традициях, понятия «честь» и «Родина» - жизненное кредо.

И.В.Одоевцева и Г.В.Иванов

А потом в жизни Ивановых наступили тяжёлые времена: в 1943 году немцы реквизируют виллу, в 1944 году она была уничтожена во время авианалёта. После войны супругов преследовала бедность. Надежды на сытую жизнь рухнули, отца Ирины не стало, пресеклись доходы от рижского его имения, поскольку Прибалтика стала частью СССР, наследство быстро просочилось сквозь пальцы. Сердитые и безнадёжные стихи русских эмигрантов теперь французам были неинтересны, иногда их публиковали в нью-йоркском «Новом Журнале», тем и жили.

Супруги постоянно обращались к знакомым за деньгами, лекарствами и «какой-нибудь одежкой». Они снимали дешёвые отели, потом скитались по богадельням, - после войны дома престарелых были не столь богаты, как сейчас, - последний приют обрели в красивом курортном месте на средиземноморье, в котором было много моря и солнца, но не было отдохновения усталому сердцу. В тайне они мечтали о славе в России, но диссидентская литература была запрещена. Оба они лелеяли надежду на возвращение, хотя бы стихами, хотя бы отражением в потерянном для них мире.

*Распыленный миллионом
мельчайших частиц,
В ледяном, безвоздушном,
бездушном эфире,*

*Где ни солнца, ни звезд,
ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь — отраженьем —
в потерянном мире.
И опять,
в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям
неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.*

Изъевшая душу, плохо скрываемая обида, терзания от неразделённой любви к отгородившемуся от эмигрантов Отечеству, вылились в нездоровье, душевную усталость, в последний стон, возвестивший гибель всего того, что когда-то было дорого сердцу поэта. 26 августа 1958 года ушёл из жизни не услышанный на Родине, с затаённым криком растерянности и отчаяния русский поэт «без лица» Георгий Владимирович Иванов, так и не простивший ни себя, ни Родину, ни народ русский, потерявшийся в исторических дебрях, который, в сущности, был ему неведом. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де Буа под Парижем. В эти печальные дни Ирина Владимировна писала:

*Я не могу простить себе —
Хотя другим я все простила,
Что в гибельной твоей судьбе
Я ничего не изменила.
Ничем тебе не помогла,
От смерти не уберегла.
Как мало на земле тепла,
Как много холода и зла!*

Глубоко обожаемая и преданная подруга жизни не осталась одна, она вышла замуж за писателя Якова Горбова и прожила с ним до его смерти. На закате жизни в пансионате её нашла журналистка и писательница Анна Колоницкая, которая по заданию Союза писателей СССР отправилась в Париж с единственной целью - разыскать Ирину Одоевцеву, если, конечно, та жива. Судьбоносная встреча изменила жизнь Одоевцевой, она привязалась душой к новой знакомой и стала надиктовывать ей строки будущей книги воспоминаний о встречах с Есениным, Буниным, Гумилёвым. У Одоевцевой возникло желание вернуться в Россию, побывать в любимом Петербурге. На волнах «перестройки» осмелевший Союз писателей, узнав о бедственном положении Ирины Владимировны, пригласил её в Советский Союз. Давнему желанию помогло исполниться участие Горбачёвой Р. М. Все мы были свидетелями радостного обретения Родины и советского паспорта весной

1987 года, когда, несмотря на преклонный возраст и тяжёлое состояние здоровья, похоронившая третьего мужа, прикованная к инвалидному креслу после неудачных операций, Ирина Владимировна вернулась на берега Невы последним приветом Серебряного века. Здесь её окружили заботой, бесплатным лечением и квартирой на углу Невского проспекта. Одоевцева не была обделена вниманием впервые узнавших о ней россиян, о котором мечтали все эмигрантские писатели: «Более, чем хлеба, им не хватало любви читателя, и они задыхались в вольном воздухе чужих стран». Она выступала на телевидении, встречалась с читателями, диктовала новую книгу воспоминаний; быстро разошлись мемуары, переизданные огромным тиражом в 200 тысяч экз. В юности давая себе заклинание: «Я всегда и везде буду счастлива», Ирина Владимировна и в самом деле всю жизнь сохраняла оптимизм и в последние годы жизни чувствовала себя счастливой. Старость должна быть достойной, - такого правила в годы увядания придерживалась Ирина Одоевцева.

Третья книга мемуаров – «На берегах Леты» – осталась недописанной. Скончалась Одоевцева И.В. в 1990 году в Ленинграде на 95 году жизни, захоронена на Волковом кладбище.

Не зря говорится: «где родился, там и содился». На изломе эпох тысячи людей оказались за бортом русской цивилизации; но там, в эмиграции, они тоже были лишними, никому не нужными, даже самим себе. Сознвая это, они страдали от своей никчемности, пустоты души, лишённой природных истоков духовной пищи. На первых парах их согревала ненависть, боль и обида, придавала силы популярность среди ненавистников России. Но скоро становилось ясно, что их весёлый «эмигрантский бал» блистает на краю пропасти собственной судьбы. Да, принять оторвавшуюся от собственных культурных и исторических корней Россию было трудно, для кого-то оказалось невозможным, и всё же много известных поэтов и художников смогли принять новую Россию, перетерпеть, вернуться домой через года, найти достойное место в истории. Отечество любят не потому, что оно хорошее или плохое, «красное» или «белое», а потому, что оно Отечество. Пожалуй, в этом проявляется истинный патриотизм. А на ум так и просится

пушкинская строка, лучше и не скажешь:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века,
По воле Бога Самогó,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Животворящая святыня!
Без них душа была б пуста.
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без божества.

Стихи Георгия Владимировича Иванова

Туман. Передо мной дорога...

*Туман. Передо мной дорога,
По ней привычно я бреду.
От будущего я немного,
Точнее — ничего не жду....*

Тяжелые дубы, и камни, и вода...

*Тяжелые дубы, и камни, и вода,
Старинных мастеров суровые виденья,
Вы мной владеете.
Дарите мне всегда
Все те же смутные,
глухие наслажденья!...*

Туман

*Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу,
Как далеко до завтрашнего дня!..
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.*

У окна

На портьер зеленый бархат

*Луч луны упал косою.
Нем и ясен в вещих картах
Неизменный жребий мой...*

Увяданьем еле тронут...

*Увяданьем еле тронут
Мир печальный и прекрасный,
Паруса плывут и тонут,
Голоса зовут и гаснут....*

Романс на стихи Иванова:

*— Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой.
Мы жили тогда на планете другой,
И слишком устали, и слишком мы стары
И для этого вальса, и для этой гитары.*

Уже бежит полночная прохлада...

*Уже бежит полночная прохлада,
И первый луч затрепетал в листах,
И месяца погасшая лампада
Дымится, пропадая в облаках....*

Цвета луны и вянущей малины...

*Цвета луны и вянущей малины –
Твои, закат и тление - твои,
Тревожит ветр пустынные долины,
И, замерзая, пенятся ручьи....*

Чем больше дней за старыми плечами...

*Чем больше дней за старыми плечами,
Тем настоящее отходит дальше,
За жизнью ослабевшими очами
Не уследить старухе-генеральше....*

Эмалевый крестик в петлице...

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно....*

Эоловой арфой вздыхает печаль...

*Эоловой арфой вздыхает печаль
И звезд восковых зажигаются свечи
И дальний закат, как персидская шаль,
Которой окутаны нежные плечи....*

Это только синий ладан...

*Это только синий ладан,
Это только сон во сне,
Звезды над пустынным садом,
Розы на твоём окне....*